

В этих тихих джунглях с деревянными полами обитает около тридцати животных.

Повсюду звери выстраиваются в иерархию и собираются в группы. В этих джунглях каждое животное живет ровно восемнадцать дней, и их жизнь колеблется, как натянутая до предела струна. Напряжение растет с каждым днем, а выживание - это сложный танец.

Для меня это постоянное напряжение началось в двенадцать лет, когда я научился искусству создания группы. С тех пор это ежедневное упражнение по удержанию равновесия стало моей рутиной — и, вероятно, всех остальных тоже.

Кубические джунгли, скрывающие пирамиду. Вот что такое классная комната для восемнадцатилетних.

— Ах..

Мою руку, онемевшую из-за плохого кровообращения, покалывало, когда я встряхивал ее. Я легонько постучал по своему напряженному животу тыльной стороной ладони. Со слабым вздохом я посмотрел на поникшие спины сидящих передо мной. Зеленые классные доски, персиковые салфетки. На учительской трибуне сидел наш учитель этики и читал скомканную газету, которую он сложил пополам. Студенты тем временем были заняты решением задач, которые он им задавал, или, полностью сдавшись, лежали, ссутулившись, и спали.

— Просыпайтесь! — громко крикнул учитель, переворачивая очередную страницу газеты.

Шел уже пятый урок. Я решал пятнадцатую задачу и остановился, чтобы почесать затылок указательным пальцем, прежде чем положить механический карандаш на парту. Мой взгляд скользнул по пустым стульям. Два из них особенно привлекли мое внимание.

Как и ожидалось, ни Хан Джун У, ни Хан Тэсан не пришли на занятия. Вероятно, они не появятся и завтра, если только у Джун У не случится одна из его непредсказуемых перепадов настроения или между ними обоими не произойдет что-то, о чем я не знал. Что бы это ни было, я понятия не имел.

Я снова опустил взгляд на сложные задачи, стоящие передо мной. Мои глаза наполнились замысловатыми штрихами иероглифов ханджа.

Было время, когда я думал, что знаю о Хан Джун У все. Я убедил себя, что я был единственным, кто знал его лучше всех в этом классе. Я гордился этим, даже когда сравнивал себя с Го Ёханом, который был ближе к Джун У, чем кто-либо другой.

По правде говоря, эта гордость помогла мне пережить то, что Ёхан и Джун У так хорошо ладили. В глубине души я наслаждался спокойным осознанием того, что у меня есть преимущество в понимании Джун У.

Я подпер подбородок рукой. Сам факт того, что я способен так думать, вызывал у меня отвращение.

Что бы подумали люди, если бы узнали, какие мысли крутятся у меня в голове? Ответ был очевиден. Я оказался бы в самом низу пирамиды, заняв самую широкую и нижнюю ступень.

Мысль была пугающей. Ужасающая перспектива. Это коварное желание, присущее только коварному старшекласснику, должно было оставаться скрытым любой ценой. Я должен был похоронить его глубоко, так глубоко, чтобы даже объект моего желания не почувствовал его. В конечном счете, мне нужно было скрыть его так хорошо, чтобы даже я забыл о его существовании.

Но Хан Джун У этого не сделал. Все в классе знали о его желании.

Я огляделся, слегка приподняв голову. Все по-прежнему сидели, склонившись над своими партами. Плотнo сжав губы, я посмотрел вперед.

Между рядами парт одиноко лежал пыльный учебник, на обложке которого виднелись следы ног.

Внезапно, как будто кто-то мог заметить, что я смотрю на него, я уткнулся лицом в парту, как и все остальные.

Затем я повернул голову в другую сторону. Мой взгляд упал на задний ряд. Там лежало лицо, частично скрытое рукой, как будто человек заснул в полусне. Лицо выглядело нежным и печальным, как будто оно принадлежало мертвецу.

— ...

Я поймал себя на том, что смотрю на лицо Го Ёхана, прежде чем мой взгляд переместился на его руку. Неужели и без того высокий Ёхан вырос еще больше? Форма, которая идеально сидела на нем в начале года, теперь полностью обнажала его запястья. На одном из этих запястий был коричневый браслет из бисера — четки, которые ярко выделялись на общем фоне. Это был тяжелый, безошибочно узнаваемый символ, неотъемлемая часть личности Ёхана.

До того, как я услышал о нем, я предполагал, что Ёхан живет на другом конце города, в том же районе, что и Хан Тэсан.

Несмотря на свою устрашающую ауру, Ёхан не выглядел особенно богатым. Его запавшие глаза всегда были прикрыты веками, а выцветшая радужная оболочка придавала ему вечно затравленный вид.

В целом атмосфера Ёхана была мрачной и устрашающей, хотя в ней отсутствовала утонченность, присущая богатству. Вместо этого на его лице, казалось, было написано глубокое чувство обездоленности, источающее своего рода меланхолическую тяжесть. В сочетании с его крупным телосложением — он, несомненно, был самым высоким учеником в школе — это делало его вдвойне импозантным.

К счастью, в отличие от Хан Джун У, резкие черты лица Ёхана отличались классической симметрией. Без этого люди, возможно, активно избегали бы его. Несмотря на это, лицо Ёхана было тревожным, пугающим и полным нервной энергии.

Но характер Ёхана был совершенно другим.

Дело было не только в том, что он казался безразличным ко всему; казалось, он активно стирал события из своей памяти, намеренно или нет. У него был вид “отстраненного собственника всего сущего” - черта, которая, по иронии судьбы, добавляла ему загадочности.

Самое примечательное, что Ёхан не заботился о деньгах. Он никогда не обращал внимания на то, сколько тратят другие или сколько они просят. Если у него возникало настроение, он небрежно бросал деньги кому-нибудь поблизости, не задумываясь, как будто для него не существовало понятия валюты. Иногда он одалживал деньги и совершенно забывал об этом. Были даже истории о людях, которые возвращали взятые займы деньги только для того, чтобы Ёхан озадаченно спросил, почему они дают их ему.

Тем не менее, он не одалживал деньги кому попало. В хорошем настроении он выполнял случайные просьбы, но холодно отказывал тем, кто был по-настоящему в отчаянии.

Ёхан мог быть резок даже с друзьями. Однажды я услышал историю о том, как Ким Минхо, увидев дорогой мотоцикл Ёхана — транспортное средство, которым он редко хвастался, — взволнованно попытался запрыгнуть на заднее сиденье без разрешения. Ёхан тут же пнул его, и тот растянулся на мостовой, как испуганная лягушка.

На вершине социальной иерархии таких людей, как Ёхан и Хан Джун У, объединяло одно общее качество: полное безразличие к мнению других. Это безразличие, в своем роде, и было тем, что позволяло им находиться на вершине пирамиды.

Почему мы своими собственными руками передаем ключи от нашего мира этим неуправляемым хищникам? Сколько бы я ни думал об этом, я все равно не могу понять.

И все же Го Ёхан называет себя набожным католиком.

Он из тех преступников, которые спят с Библией под головой, но при этом утверждают, что следуют учению. Он не пьет, не курит, воздерживается от секса, не ворует и не вымогает деньги у других студентов. Тем не менее, доктрина, которой он придерживается, порочна — это можно понять по одним только правилам употребления алкоголя и табака. Я слышал, что

католицизм допускает и то, и другое.

Говорят, что религия рассматривает гомосексуальность как грех. Так вот почему действия Хан Джун У так отвратительны для Го Ёхана? Я облизал пересохшие губы.

Я испытал странное облегчение от того, что меня не поймали. Если бы я был таким, то закончил бы так же, как тот учебник, лежащий растоптанным на полу. И все же, даже в тот момент я задавался вопросом — если бы мы с Джун У остались близки, как были всего несколько месяцев назад, защитил бы меня Джун У?

Эта мысль всплыла помимо моей воли, увлекая за собой воспоминания, которые я отчаянно хотел забыть. Я сделал глубокий вдох, пытаясь подавить волну тошноты, поднимавшуюся в груди, как будто съеденный ранее обед грозил вернуться.

Нет, конечно, нет.

Как смешно, что когда-то я был настолько высокомерен, что думал, что он сделает это. Для Джун У я был никем. Просто удобным школьным другом, с которым можно было скоротать время. Теперь я знаю это по тому, как он смотрел на меня, когда повалил на землю. Его глаза сказали все. Я не хотел знать правду, но она была очевидна.

Джун У открыто грешит. Я тоже грешник, но скрываю это. Итак, Бог наказал Джун У, а меня пощадил.

С моих губ сорвался слабый смешок, такой тихий, что его услышала только я сам.

“Так что, пока меня не поймали, это все, что имеет значение”

Может быть, у Бога такая же личность, как у Го Ёхана.

Мой взгляд переместился на парту рядом с кафедрой учителя. Это необычно, но сегодня я почувствовала укол жалости к Хан Тэсану. Бедная душа, попавшая в лапы дьявола. У тебя не хватило сил противостоять этой чудовищной, обольстительной силе. Хрупкий, беспомощный Тэсан. Тебе следовало убежать, как только я предупредил тебя, глупец.

Я знаю, что я нехороший человек. Я эгоистичен и стремлюсь только к себе, и именно поэтому я был наказан. Иногда я даже думаю вот о чем: если тебе нравятся мужчины, почему бы не выбрать кого-нибудь хитрого и лживого, как я? По крайней мере, тогда жизнь была бы проще. Зачем влюбляться в такого невинного и искреннего человека только для того, чтобы в конечном итоге страдать из-за этого?

Сейчас я думаю по-другому.

Да. Конечно, никто никогда не смог бы полюбить такого, как я. Я слишком хорошо знаю себя, чтобы думать иначе.

Было время, когда я думал, что у меня может быть все. Высокомерный, тщеславный Кан Джун. Кан Джун, который думал, что понимает мир в восемнадцать лет. Злой, подлый Кан Джун. Жалкий Кан Джун, у которого не было никого, кто мог бы его утешить, поэтому он терпел все в одиночку.

В тот день я не смог ответить дальше пятнадцатого вопроса. Я использовал свою предполагаемую болезнь как предлог, чтобы лечь, откинувшись на стол, и подумать про себя: "Ну, по крайней мере, я не такой разбитый, как Джун У или Тэсан".

Слухи о Джун У и Тэсане распространялись как лесной пожар. Были ли они преувеличены или основывались на правде, никто не мог сказать наверняка. Выяснить это тоже не было возможности. Группа Джун У исчезла из школы, словно вырванная с корнем. Те немногие, кто остался, были слишком заняты формированием новых групп, чтобы беспокоиться о чем-то еще, что еще больше усилило слухи.

— Чону, извини, но кто ближе всего к Джун У?

— Кан... Нет, Ёхан.

Я случайно услышал это, когда проходил мимо, возвращаясь в класс перед уроком. Классный руководитель спросил, и один из моих одноклассников ответил. Притворившись, что не слышал, я вошел в класс. Учитель нервно переводил взгляд с меня на пустые места, барабанил пальцами по трибуне. Затем, словно отказываясь от какой-то невысказанной мысли, он объявил:

— Давайте закругляться.

Как только закончились занятия, я схватил свою сумку. Когда я перекидывал его через плечо, Го Ёхан хлопнул меня по спине.

— Эй. Давай потусуемся после школы.

Я посмотрела на его лицо.

Я знал. Я всегда следил за каждым шагом Джун У и Ёхана, поэтому я знал, что чаще всего Ёхан приглашал куда-нибудь Джун У. После короткой паузы я отмахнулся от него.

— Не могу. Нужно учиться.

— А после?

— Все та же учеба. Просто сходи потусуйся с кем-нибудь из своих друзей.

— Нет.

— Почему нет?

— Слишком близкое знакомство с неудачниками просто тянет меня вниз.

— Они твои друзья.

— Смысл жизни в том, чтобы извлекать максимальную выгоду. Цепляние за мусор только разрушает твою собственную жизнь.

— Ха...

Я издал короткий смешок от абсурдности этого.

Верно. Вот почему я смог поладить с Ёханом лучше, чем ожидал. Наши извращенные ценности, казалось, странным образом совпали.

— Итак, Минхо, Сокхен — они отбросы общества? Даже Ким Сокмин?

— Если ты так ставишь вопрос, то да, в значительной степени. Но ты другой.

От такого двусмысленного комплимента я почувствовал себя неловко.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты ужасен.

— Нет, это не так..

— Ты такой ужасный.

— Хм. Это записано в Десяти заповедях. 'Не лги'. Я просто говорю правду, Джун.

Честно говоря, Ёхан еще хуже, чем я. По крайней мере, я не отношусь к своим друзьям-правонарушителям как к отбросам общества.

— Вот почему я хороший человек.

— ...Ну конечно.

— Раз уж я такой хороший человек, можно я приду к тебе домой?

Го Ёхан дважды моргнул. Я посмотрел ему в лицо, прежде чем кивнуть.

— Конечно, почему бы и нет..

Пока он не мешал мне, не было причин отказываться. Чтобы обеспечить себе место в иерархии, не было необходимости заводить врагов с кем-то, кто должен был подняться на самый верх.

Когда я вернулся с уроков, Ёхан уже приехал и лежал на моей кровати, читая мангу, которую принес с собой в сумке. Я нахмурился, даже не взглянув на обложку. Что-то странное привлекло мое внимание, когда я взглянула на полуоткрытую сумку Ёхана — несколько рабочих тетрадей. Ёхан и рабочие тетради.

Он странный.

В прежние времена, когда Джун У хвастался Ёхану своими ночными выходками, пыхтением и всем прочим, Ёхан улыбался, хлопал Джун У по лбу или плечу и говорил: “Ты не должен прелюбодействовать”. Это прозвучало так, будто он отчитывал Джун У, но я всегда думал, что это просто их способ пошутить.

И все же, теперь враждебность Ёхана была ощутимой. Он набросился на Джун У так же быстро, как подбрасывают монетку. Перемена мнения друга всегда более неприятна, чем критика незнакомцев. Вот почему, доставая из морозилки два мороженных и протягивая одно Ёхану, я осторожно спросил:

— Эй, Йохан.

— Да?

— Ты планируешь разорвать отношения с Джун У?

Ёхан, пронцательный, как всегда, понял бы, что я говорю не о банальной размолвке. Но он просто без колебаний разорвал обертку, отправил мороженое в рот и улыбнулся, приподняв уголок губ. Откусив кончик мороженного и прожевав его, он проглотил и, наконец, ответил.

— Зачем мне оставаться другом с кем-то, чья жизнь уже разрушена?

— Правда?

Неужели симпатия к другому парню - это такое уж губительное оскорбление? Меня пронзило чувство вины.

— Ты согласен, не так ли?

Все еще сосредоточенный на своей манге, Ёхан заговорил, не отрываясь от мороженого. Его голос был приглушенным, но слова были понятны. Я на мгновение заколебался, затем выдавил из себя ответ, выпятив губы в притворном неодобрении.

— Конечно...

Это положило конец любым разговорам о Джун У. Я знал, что дальше Ёхан не зайдет, поэтому намеренно избегал продолжения. Ёхан оставался у меня дома до позднего вечера и даже поужинал с нами.

— Увидимся завтра, — сказал он, надевая ботинки и собираясь уходить.

Я поколебался, прежде чем дать небольшой непрошенный совет.

— Не иди домой пешком. Возьми такси.

Ёхан скорчил странную гримасу, а затем издал короткий смешок, как будто не мог поверить в то, что услышал.

— Да, конечно.

После того, как он ушел, я лежал на кровати, размышляя над словами Йохана.

Джун У полностью изменил свое мнение. Он действительно думал, что, действуя таким образом, сможет заставить Тэсана видеть только его? Любовь ужасающе нелепа. Это заставляет людей терять всякое здравомыслие, искажая все, чтобы подогнать под свое собственное повествование. И когда вы начинаете верить в эти искаженные интерпретации, случаются необратимые ошибки.

Умереть ради любви, жить ради любви — это все одно и то же. Единственный способ избежать подобной участи - думать о худшем и как можно меньше двигаться.

Я собрался с мыслями. Лунная ночь сменилась рассветом, и как только я подумал, что наконец-то засну, зазвонил мой телефон. Это был Джун У.

Он попросил меня приехать.

Услышав его короткие слова, я резко вздохнул, в голове пронеслись десятки мыслей. Наконец, я ответил.

— Я не приду.

— ...

— Ты что, считаешь меня идиотом? Иди к черту.

Не дрогнул ли мой голос в конце? Я не был уверен. Но, вероятно, я справился с этим хорошо. Я хорош во многих вещах, за исключением неразделенной любви.

Мой отказ, которого Джун У никак не ожидал, не был бунтом. Это не было ревностью или гневом. Конечно, эти чувства были, но что действительно сдерживало и контролировало меня, так это кубические джунгли.

Я слишком хорошо знал, что со мной произойдет, если станет известно, что я встречался с Джун У в то время. Я такой человек.

И я использовал этот факт как оправдание, чтобы защитить себя. Потому что я такой, какой есть. Моя любовь к Джун У была слишком робкой, слишком расчетливой, чтобы по-настоящему ставить его выше себя.

<http://bllate.org/book/12586/1118472>